

18+

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ОТА
ДЕТИ
РОК-Н
РОЛЛА

СТАС КОНДАКОВ

Стас Кондаков

От А. Дети рок-н-ролла

«Автор»

2024

Кондаков С.

От А. Дети рок-н-ролла / С. Кондаков — «Автор», 2024

Автобиографичная проза поэта, композитора и лидера рок-группы
«Акустический лес» Стаса Кондакова. 30-летняя история рок-группы, жизни и
событий с начала 90-х годов и до нашего времени.

© Кондаков С., 2024

© Автор, 2024

Стас Кондаков

От А. Дети рок-н-ролла

К читателю

«Акустический лес» – это не группа и уж тем более не проект. Это что-то больше и сравнимо разве что с большой и дружной семьёй со своими устоями и правилами, со своей историей и культурой, с огромным количеством родственников и друзей. То, что вы видите на сцене или слышите в записи, – это только отражение того, чем мы живём. Каждый этап существования «Акустического леса» дарил нам новые приключения и впечатления, а судьба преподносила очередной урок школы жизни.

Сколько людей прошло через нашу группу, даже трудно представить! Всех нас раскидало по разным городам и странам, некоторых уже не стало в этой жизни, но я попытаюсь вспомнить каждого, и простите великодушно, если что-то упустил, человеческая память – не буфер памяти компьютера. Очень жаль, что сохранилось слишком мало старых фотографий и раритетных записей, и если у кого-то что-нибудь такое найдется, то буду благодарен за помощь; кстати, может, кто-нибудь вспомнит какой случай или факт – присылайте, буду искренне рад.

А «Акустический лес» был, есть и будет, случалось ему приходилось не сладко, но им не было сделано ни одного шага назад. Может, кто-то считает, зачем нужны эти мемуары и типа кто мы такие, то отвечу: я искренне люблю «Акустический лес», люблю своих друзей и близких, люблю все наши песни, каждая из них пережита мной, а наша история продолжается, и как мне кажется, впереди ещё много интересного. Если ты с нами, то в добрый путь!

С уважением, всегда ваш,

Стас Кондаков,

«Акустический лес»

* * * * *

– Цой погиб, по телевизору в новостях сказали.

– Как погиб? – Я пока не верил своим ушам, мало ли какой Цой, и вообще, моя бабушка могла сто раз ошибиться.

– Да тот самый, которого ты всё слушаешь и поёшь, – бабушка достала листок бумаги, на котором что-то было написано красивым ровным почерком, – я даже специально записала, чтоб не забыть.

Летом 90-го года, после вступительных экзаменов во Владимирский авиамеханический техникум, я уехал на каникулы на Вятку, в посёлок Красная Поляна, в гости к своей любимой бабушке Маше и всё лето каждый вечер горланил своим многочисленным сельским приятелям вместо привычной «Голуби летят над нашей зоной» Цоя, Кинчева и Шевчука. Ребята удивлялись и просили ещё, а потом, уже освоив слова, хором пели: «У-у-у, транквилизатор». Я просто становился местной звездой, и даже самые отъявленные хулиганы посёлка не трогали залётного городского парня. Они приходили на мои импровизированные концерты на берегу Вятки около поленниц дров частных домов и, сидя на корточках, проникались доселе не слышанным русским роком. И вот после очередного «концерта» прихожу ночью домой и слышу от бабушки:

– Цой погиб, по телевизору в новостях сказали.

Для меня, пятнадцатилетнего это, конечно, был удар. Музыкальные пристрастия уже переросли от «Ласкового мая» и «Форум» до «Алисы», «ДДТ», «Чайф» и, конечно, «КИНО», а собственные гитарные опусы сводились к мечте о собственной группе, собственным песням и к всеобщей мировой славе. Цоя я мог слушать сутками напролёт, и не было такой его песни, которой я бы не знал и не мог исполнить. И тут такое...

Лето закончилось и, с сожалением попрощавшись с бабушкой и своими поселковыми друзьями, я укатил в свой маленький городок во Владимирской области. Школьные годы закончились, начиналась учёба в техникуме со всеми вытекающими признаками уже довольно самостоятельной жизни. Именно с первых дней в техникуме и начались грандиозные перемены в моей жизни, а главным виновником стал мой приятель по группе и парте, которого почему-то все называли Шуркой, хотя по паспорту его звали Максим.

С Шуркой мы как тот быстро сошлись, и вскоре стали закадычными друзьями. Музыкальные интересы у нас были практически одинаковые, а вечерние посиделки в подъездах или около них никогда не обходились без гитары, на которой он здорово играл и пел, тем самым повсюду являясь грозой молоденьких девчонок и гордостью приятелей.

Шурка влиял на меня по всем положениям, это и первая сигарета, и первый глоток портвейна. Вообще-то, нас было много: Митёк – по кличке Вокс, Мишка Рыбин – по кличке Мяс, Серёга Борданов – Чаркаша, Лэпс, Юрик, Мафия и много кто ещё.

А потом появился Яшка-цыган. Неизвестно откуда, в наш закрытый городок приехал молодой человек небольшого роста, с длинными кудрявыми волосами, с несколькими гитарами, барабанной установкой и грудой звуковой аппаратуры. Он устроился на работу сантехником, получил служебную однокомнатную квартиру и начал обживаться на новом месте. Яшка был не один, вместе с ним была его молодая жена и маленькая годовалая дочка. С такой экзотической внешностью он, конечно, сразу привлёк внимание всей самой отъявленной шпаны городка, и та, решив проверить незнакомца на прочность, тут же получила по тылке. Незнакомец оказался мастером спорта по боксу. Хулиганы сразу прониклись уважением и уже старались завести с ним дружбу.

А Яшка нашёл помещение под аппаратуру в общежитии, в котором волею судьбы жили только что поженившиеся моя сестра с мужем, перетащил туда всё своё музыкальное добро и изредка издавал оттуда непонятные громкие звуки.

– У нас в общежитии какой-то сморчок с шевелюрой как у Пугачёвой буянит, – сообщил мне однажды муж сестры, – музыка гремит на всю общагу. Сходи, может, тебя, придурка, возьмёт, научит на гитаре играть. А то от твоего брнчания уже уши вянут.

– За придурка, – говорю, – ответишь, а за информацию, конечно, спасибо.

Я тут же связался с Шуркой:

– Шурка! Есть информация, что в наше городское общежитие какую-то аппаратуру привезли, давай сходим? Вдруг получится что-то подобие группы сколотить!

– Пошли сходим, только что играть, да и с кем?

– Там разберёмся, побежали, посмотрим, что там!

Репетиционная комната представляла собой переход между разными секциями на шестом этаже общежития, с грудой непонятной нам аппаратуры, барабанами и скучающим взлохмаченным Яшкой.

– Здравствуйте, – робко начали мы с Шуркой, – а правда, что вы музыкальные группы собираете? Мы бы очень хотели!

– Ну как собираю, – ответил Яшка, – давайте для начала послушаю вас, кто что может. Кто из вас поющий?

– Да мы оба поём, – напряглись мы.

– Ну, берите гитары, покажите, что можете!

Первым гитару взял Шурка и подошёл к микрофону. Спев несколько песен Цоя и увидев приунывшее лицо Яшки, передал гитару мне. Я не стал оригинальничать и спел ещё пару песен того же Цоя.

– Вы кроме Цоя хоть что-нибудь умеете? – уже раздражаясь, спросил Яшка.

– Могу, – отвечаю, – целую одну песню Никольского, если только слова вспомню.

Я спел песню Никольского «Мой друг художник и поэт». После этого Яшка значительно повеселел и распределил роли:

– Будешь петь! А из тебя, – и посмотрел на Шурку, – будем крутого гитариста делать!

В общем, так я и стал солистом, Шурка гитаристом, а на барабаны мы взяли нашего однокурсника по техникуму – Пашу Пурецкого, ну а тот, в свою очередь, привёл на роль басиста своего приятеля.

Играли мы, что задавал Яшка. Что-то из «Машины», что-то из «Альфы». Мы так понимали, что это был любимый репертуар нашего учителя, но главное, что в руках были настоящие чехословацкие гитары «Галаксис», а не совковые «Уралы». До сих пор не понимаю, зачем ему это было нужно. Денег мы ему не платили, а он заставлял нас зубрить гаммы и учил немыслимым, как нам тогда казалось, подтяжкам и трезвучиям. Название группы придумали такое – «Индекс-30». Почему «индекс» – не помню, а вот что касается цифр, так это когда-то так назывался наш маленький город «Владимир-30», или, как все его называли в народе, – Радужный или Радуга.

* * * * *

Между тем, в стране творилось чёрт знает что, рушилось одно и не строилось другое, а в Радуге жизнь текла, как в обычном провинциальном городке, тихо и размеренно. Мы продолжали постигать музыкальную науку, музыкальное образование было только у Шурки (он до сих пор на баяне «Коробейников» наяривает), а в меня Яшка кидал тарелки от барабанов, если не так спою. Наконец наступил момент первого концерта, на дискотеке в том же общежитии. Мне абсолютно нечего было одеть, я донашивал старые джинсы сестры и отцовские ботинки, кстати, теперь они очень бы смахивали на «Гриндерсы», а тогда надо мной все хохотали:

– Ты чего, крема перепутал?

– Ничего не перепутал, это так и задумано!

Хотя самому, конечно, было жутко неловко. Хотел бы я сейчас на эти ботинки посмотреть. Короче, Яшка дал мне свою джинсовую куртку и сказал:

– Круто, по-панковски!

Первый концерт запоминается, конечно, на всю жизнь. Не могу говорить за других, но я боялся жутко, несмотря на то, что в зале было человек десять. Всё прошло достаточно незаметно, и мы счастливые разошлись по домам. Был потом ещё один концерт в школе на каком-то празднике, а потом по какой-то причине Яшку попросили выселиться из общежития, и мы оказались бездомными. Долго таскали аппаратуру с одного места на другое, пытались основаться в подсобных помещениях то ли садилов, то ли школ, но все, к сожалению, не срасталось. Басист с барабанщиком постепенно исчезли из виду, и группа «Индекс-30» бесславно закончила своё существование.

Мы с Шуркой продолжали учиться в техникуме, сидели за одной партой, рисовали друг на друга карикатуры и учились красиво давать автографы. Совершенно случайно на одном из уроков, я написал свою первую песню «Акустический лес». Очень долго пыжился и напрягался, очень хотелось, чтоб было круто, ни на кого не похоже, с глубоким и умным текстом.

Акустический лес

Акустический лес

Я знаю, здесь расцветут цветы

И пусть нет солнца – здесь свет от луны

Смотря на мир свысока, ты не хочешь есть

Теряя ко всему живой интерес

Акустический лес

Акустический лес

Здесь темно, не видно ни зги

И все дороги давно в пыли
Видя каменный крест, в голове треск
Шестиструнной травы металлический блеск
Акустический лес
Акустический лес
Когда встретишь ты
На своём пути
Видя много мест обнаружив, ЭСТ
Сразу поймёшь: это твой отец
Акустический лес
Акустический лес
Акустический лес

Когда я показал её Шурке, тот достаточно спокойно отнёсся к моему первому опусу. Мало того, но и представил на мой суд пару своих песен, и я обалдел. Песни назывались «Мой ангел» и «О любви простых людей». Короче, Шурка весьма неплохо чувствовал ритму и музыку и выдавал результат:

Посмотри в его глаза, ты увидишь: они горят огнём
Посмотри в окно его дома, ты увидишь там – в доме всё стоит вверх дном
Он не был сторонником веселья, но до смерти ненавидел тишины
Этот парень не был героем, но женщинам всегда дарил цветы
И когда в его незакрытую дверь вдруг постучалась беда
Он не закрывал дверей и окон не закрывал...

Потом как прорвало, одна за другой у всех у нас начали вылетать новые песни, всё это было, конечно, полным бредом, но нам нравилось. Как потом казалось, наш общий друг Юрик тоже писал стихи, и мне очень нравилось на его опусы накладывать аккорды и придумывать мотивы.

Была у нас такая тема, на почве огромной любви к Цою и к «Кино» мы все сошли с ума. Ходили только в чёрном, знали весь его репертуар наизусть, постоянно разыскивали неизвестные песни и вообще, многое копировали. Само собой, что собственная музыка была целиком заимствована у легендарного коллектива, да и темы самих песен тоже.

Высотный дом, пустота в голове
Тёмный подъезд, тяжёлая дверь
Надпись «Кино» на грязной стене
Твоя душа – как загнанный зверь
Бутылка вина ненужная польза
Просьба кого-то угостить сигаретой
Кто-то поёт песни группы «Кино»
Ты хочешь стать небесной кометой
Заплёванный лифт, разбито окно
От крика жильцов можно оглохнуть
Жизнь для тебя – песни группы «Кино»
Мы все живём для того, чтобы завтра сдохнуть
У-у-у, мы дети подъездов

Это Юрик написал, и я тут же сделал на слова музыку. Всё это было нам очень близко, все эти подъезды, лифты, сигареты, и неспроста тут уже и «Крематорий» всплыл со своим «завтра сдохнуть», свойственная всем подросткам дурь, что никому мы не нужны, да никто-то нас не любит. Была в этом некая романтика. Нам так казалось.

С утра шёл дождь
Потом шёл снег

Потом шёл я
Я шёл домой
Мой дом был пуст
Балкон открыт
А свет горит
И я забыт

Мы даже не заметили, как рухнул Советский Союз. Как-то все эти великие события пролетели мимо Холодной зимой 92-го года, сидели в подъездах радужных многоэтажек и пели песни, курили болгарские сигареты и были абсолютно счастливы. Конечно, ни о какой группе пока не было и речи, но идея уже витала в воздухе, поскольку у нас уже появился какой-то собственный репертуар, состоящий из моих и Шуркиных песен.

6 февраля я, Шурка, Митёк, Мяс и Черкаша как-то спонтанно решили собраться у последнего с двумя гитарами и пионерским барабаном. Черкаша был счастливым обладателем стереомагнитофона «Нерль». Если кто помнит, то этот серебряный ящик с двумя динамиками являлся настоящим шедевром совкового производства. Лентопротяг ломался где-то через неделю после покупки, всё по непонятным причинам начинало гудеть и скрипеть, но всё-таки это был стереомагнитофон! Именно на этот чудо-агрегат мы и сделали первую запись собственных песен. Всё было забавно, весело, с криками и уханьями, с причмокиванием и мультишными речёвками. Уже в конце записи поняли, что надо делать группу! Каждый играет, кто на чём сможет, а дальше будет видно! Конечно, ни о каком названии команды мы даже не мыслили, но датой рождения «Акустического леса» так и осталось 6 февраля 1992 года.

* * * * *

Особо ровняться нам было не на кого. Музыкальных коллективов в Радуге на тот момент не было, либо мы не знали об их существовании. Яшка занялся организацией боксёрского клуба, хотя и не забывал про музыку, но первое для него стало более значимым. На боксёрскую секцию Яшки мы с друзьями умудрились периодически ходить, но, когда я пару раз получил в харю от партнёра по рингу потеряв при этом полную ориентацию в пространстве, решил – ну его нафиг, хочу жить мирно. Да и мои друзья соглашались на мирный исход, например, наш друг Михалыч умудрялся договариваться на ринге с партнёром прямо во время боя:

– Так, давай друг друга не бьём! Только тихонько и так, чтоб Яшка не заметил. А то заметит – обоим прилетит.

Таким образом мы все не стали боксёрами, все мысли были только вокруг музыки, и в какой-то момент стало понятно, что мы – один на один сами с собой. Конечно, во Владимире (для справки – Владимир находится в 25 км от Радуги) некое рок-н-рольное движение и было, но на данный момент мы варились в собственном соку. Все наши достижения сводились к записи, что мы безуспешно пытались делать то вдвоём с Шуркой, то вдвоём с Мясом. Используя все возможные сподручные средства в виде пианино и металлофонов, пипитера вместо хай-хэта, мы наделали кучу записей, которые радовали только наши уши. Жутко хотелось электричества, примочек и настоящих барабанов, но это было пока не по плечу. Даже один раз набрались наглости и пришли в один единственный ДК в городе, в надежде получить прибежище, но были жестоко отвергнуты директором клуба, который, кстати, через многие годы стал нам очень хорошим другом и соратником.

В конце концов, нам крупно повезло. Шуркин отец договорился с начальником пожарной части, где нам дали возможность иногда заниматься музыкой в их каморке, оборудованной типичной на то время аппаратурой «Эстрада» и гитарами «Урал». С составом определились следующим образом: я пою, Шурка – соло, Митёк – бас, Мяс – синтезатор, а вот с барабанщиком дела обстояли хуже. В конце концов мы пригласили нашего приятеля Ромку Евдокимова по кличке Евдоха, который особо и не умел на них играть, но очень хотел.

Начались наши первые репетиции и планы на концерты. Нужно было определиться с названием группы, а в голову ничего пока не приходило. Было огромное количество вариантов, и сейчас уже трудно вспомнить, как само собой все успокоилось на имени «Акустический лес». Репетиции случались довольно редко, да и личный состав пожарной части в лице собственных музыкантов был от нас, мягко говоря, не в восторге. В итоге приходит к нам на репетицию некий человек в форме и говорит:

– Репетируете?

– Репетируем, – говорим.

– Долго ещё греметь будем?

– Да нет, скоро заканчиваем.

– Да я не про сейчас, а вообще. В общем, если хотите дальше музицировать, то с вас два литра в месяц – и всё в порядке.

В то время денег у нас в карманах даже на сигареты не хватало, а что на счёт алкоголя, так тем более, мы им и не баловались. Хотя, конечно, только сейчас понимаешь: да, нужно было дружить с пожарными, ну поставить лишний раз бутылку! Глупые были...

В конце концов, этот товарищ сделал своё дело, свелось всё к тому, что по плану в музыкалке ремонт намечен, да и аппаратуру кто-то забирает, и главный начальник сменился, словом мы оказались без точки.

Болтаться по улицам было чертовски холодно, из подъездов нас постоянно гоняли, поэтому мы ещё и задались целью найти себе какой-нибудь подвал или чердак, чтоб никому не мешать, проводить там свой досуг.

Это место мы почему-то называли «Зоопарком». Он представлял собой полуподвальное помещение здания поликлиники, тёплое, сухое, с выключателями на стенах, со светом, но самое главное мы там не могли кому-либо помешать, поликлиника работала часов до восьми, а мы как раз в это время туда и подтягивались.

Таким образом, мы в прямом смысле захватили чужую территорию и не собирались её сдавать. Вымыли полы, оклеили стены газетами, натащили со всей Радуги скамеек и даже поставили дверь и врезали замок (сейчас за такую наглость, наверно, посадят). Кстати, дверь сняли с подъезда дома, где как раз находилось отделение милиции!

К этому времени Шурка, посредничеством Яшки, первым из нас приобрёл себе собственную гитару «Тгеах» и примочку «Лель», у Митька был бас «Урал», а я рвал струны чужих акустиков. Мы, конечно, пробовали репетировать в «Зоопарке»: вешали микрофон на лампочку, гитары подключали к магнитофонам, а ритм секцией нам служил старый добрый пионерский барабан, на котором весело наяривал то Мяс, то Евдоха. Милиция, конечно, пару раз наведывалась, но увидев наши светлые лица, проверив, что на гитарах отсутствуют инвентаризационные номера и с подозрением посмотрев на странную дверь, удалились ни с чем. По большому счёту «Зоопарк» служил нам не только репетиционной базой, скорее, это был просто дом нашей большой и дружной компании, мы уже не представляли без него своих счастливых вечеров.

Наверно, это смешно, но ещё мы занимались спиритизмом или, как мы называли это действие, «гонять еблюдечко», это погоняло, кстати, Яшка пустил в обиход. Так и говорили:

– Ну что, сегодня будем еблюдечко гонять?

– Давай, кого вызовем?

– Да хоть кого, можно Ленина, можно Пушкина, кто быстрее на контакт пойдёт!

И действительно, брали лист ватмана А1, писали на нём буквы и цифры, коптили свечкой блюдечко и шаманили, задавая вопросы:

– Сколько у меня девчонок будет?

– А кем я стану?

– Будет ли война?

А Шурка как-то до покупки гитары спросил:

– Какую гитару мне привезут?

– Треакс, – был ответ.

Надо сказать, что такого названия до этого момента мы даже и не слышали.

– А цвет какой?

– Жёлтый.

– Ещё не легче! На кой мне жёлтая гитара? Может, она ещё и в цветочек?

– Да.

Ну, мы посмеялись, посмеялись и забыли эту историю, но каким оказалось Шуркино и наше удивление, когда гитарой оказался чехословацкий «Треакс», цвета слоновой кости (но ближе к жёлтому) и только не в цветочек, а в крапинку. Мистика, да и только!

* * * * *

Каждый год вечер встречи выпускников школы в Радуге празднуется в первую пятницу февраля. Митёк, наш басист, к этому времени уже был на первом курсе Владимирского политехнического института, Мяс – педагогического, а мы с Шуркой уже на третьем в техникуме, поэтому смело называли себя выпускниками и могли рассчитывать на праздник, а если вообще обнаглеть, то и на то, чтобы выступить, да ещё при таком большом скоплении народу. В конце концов, мы договорились с директором школы, и нам дали добро на исполнение нескольких песен, которые мы судорожно начали готовить с особенной тщательностью.

Наконец настал тот долгожданный день (кстати, 6 февраля, ровно через год после дня рождения группы!) – и тут оказалось, что наш барабанщик Евдоха что-то такое отпраздновал, что передвигался только по стенкам. Наконец силы его покинули окончательно, и ему ничего не оставалось, как расположиться на подоконнике, при этом сказав:

– Мужики, не волнуйтесь, я сейчас пивка попою, и всё будет в порядке.

Словом, решили за ним приглядывать и потихоньку настраивать злополучный аппарат «Эстрада», но видно, слишком увлеклись делом, что про Евдоху все забыли, а тот, в свою очередь, исполнил свою мечту с лихвою и где-то уснул, да так, что мы его совсем потеряли из виду.

На выручку подтянулся Яшка. Само собой, барабанщик из него никакой, научить – научит, а вот сыграть от начала до конца абсолютно неизвестные песни, даже нашему мэтру было не под силу. Слава богу, о таких вещах как подзвучка барабанов, мы даже и не слышали, поэтому надеялись на чудо. Косяки начались ещё до выступления. Завуч школы торжественно объявляет:

– А сейчас перед нами выступят наши недавние выпускники... – и так далее.

Мы с видом суперзвёзд уже шли перед сценой под бурные аплодисменты зрителей. Надо сказать, что микрофонный шнур тянулся со сцены прямо в зал, и само собой, я об него запнулся так, что почти упал и пролетел на несколько метров вперёд, а микрофон вылетел из рук завуча и угодил прямиком в зрительный зал. Аплодисменты сменились диким хохотом, и наше появление на сцене лично у меня вызвало не только дрожь в коленках и вспотевшие ладони, а ещё и полную потерю дезориентации.

С безумными глазами и абсолютно чокнутым видом мы играли 6 песен и ждали, когда этот кошмар закончится. Спокоен был только Яшка, он с невозмутимым видом делал вид, что он крутой барабанщик и с силой лупил только по тарелкам, так что никто, ничего так и не понял. Совсем потерянные мы вышли со сцены, и как ни странно, нам долго хлопали и даже говорили, что, мол, всё круто и молодцы, так держать!

После случая с полётом микрофона меня прозвали «великим неувязком». Особенность к подобным казусам ещё долго преследовала меня по жизни и прошла лишь тогда, когда появилась полная уверенность в собственных силах и возможностях.

После концерта у нас состоялся серьёзный разговор с Евдохой; он, конечно, чувствовал себя виноватым и обещал не повторять подобных курьёзов. Ну а у нас появилась новая навязчивая идея сделать электрическую запись, только где и как – мы не знали. Найти выход из этой ситуации нам помог DJ местной дискотеки Влад Лукиных, или Лукич, как мы его называли. Совершенно безвозмездно Лукич, его друг Вовка Курлов и вся тамошняя компания дискотеки, в народе прозванной «Стекляшкой», была увлечена записью молодой группы. Хуже всех обстояли дела с барабанами, если гитары и голос писались в накладку и худо-бедно звучали, то ударные в силу акустики помещения звучали хуже ведра.

Выход нашёлся сам собой с появлением Порка. С Митьком в одной группе учился парень по кличке Порк, а по паспорту Денис Кабанов, который тоже занимался музыкой, что-то такое записывал и вообще был жутко всей этой кухней увлечён. Митёк привозил его первые записи на наш суд, на суд как уже более-менее сложившийся группы. Забавно было слушать. Огромное количество наложений раздолбанной гитары и вместе с этим низкий заунывный голос, лишённый каких-либо мелодий. Было отчасти и что-то такое Летовское, Башлачёвское... словом, всё очень мрачно. А потом появилось что-то новое. Неведомо откуда Порк обзавёлся эдакой самоиграйкой Yamaha и умудрился выжать из неё в свои опусы ритм-секцию из барабанов и мидибаса. Только тогда песни стали слушаться как-то статично, твёрдо и обретали хоть какие-то формы. Вот его Ямахой мы и воспользовались, используя её исключительно как драм-машину.

Записали мы всего-навсего 4 песни. Переписали суперхит «Дети подъездов» и три моих новинки: «Электрический шок», «Спички на стол» и «Мечта импотента». Качество записи приятно удивляло, всё было сделано в духе и стиле альбома «Звезды по имени солнце» Цоя, с драйвом и безумной энергетикой. Даже сейчас, слушая те записи, удивляешься – откуда столько наглости? «Электрический шок» даже начали крутить на дискотеке, правда, в пляс никто не шёл, но сам факт такой раскрутки нам льстил.

Ветер спел, он к ночи не спал

Опять мне скажет: «Ты от жизни устал,

Ты не мог пережить этот год»

Я повторяю слова ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ШОК

У кого-то есть дом, кто-то спит на земле

Кто-то ищет любовь, он сдал экзамен не шесть

Он не смог повторить чужой ход

Я повторяю слова ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ШОК

Электрический свет на оконном стекле

Всё осталось во мне, я не летаю во сне

И друг ответит другу: «Прости, я не смог»

Я забываю слова ЭЛЕКТРИЧЕСКИЙ ШОК

Сейчас эти записи уже сложно отреставрировать, и эти песни не вошли ни в один будущий альбом. Той энергетике, юношеской наглости и наивности, что была в них, уже не будет никогда.

* * * * *

Яшка придумал про нас такую шутку: «Митя, Стас и Шурка – это три придурка! Вот какой у нас мотив – вот такой и коллектив», тем самым выражая своё неудовольствие репертуаром нашей группы, он-то всегда был любителем более сложной музыки, но мы, конечно, не обижались, а только научились спорить с мастером. Обнаглев таким образом, набрались смелости, мы пришли во второй раз в Дом культуры и были сильно удивлены что нас взяли. Правда для этого надо было кому-то устраиваться туда на работу в должности руководителя музыкального кружка, и обязательно с музыкальным образованием. Поскольку последнее было у Шурки, то он и получил трудовую книжку и даже зарплату согласно штатному расписанию в размере трёх копеек. Но всё это было не важно, главное, что мы получили хоть какой-то

официальный статус и могли заниматься любимым делом сколько душе угодно. Аппаратуру мы получили, конечно, в виде мусора, но и это не повлияло на прекрасное расположение духа. Мяс оказался неплохим электриком, и мы с упованием погружались с головой в этот хлам, пытаясь починить разбитые пульты и усилители.

Во время записи в «Стекляшке» мы очень сдружились с Лукичом и Вовкой Курловым; последний, кстати, оказался оператором ВГТРК «Владимир». Он-то и обещал помочь нам с профессиональной студией и даже со съёмками, всё это было дальше, а пока мы просто сидели по вечерам в радиорубке, пили дешёвое вино или пиво, я писал кучу песен, репетировали в клубе и мечтали о крутых гитарах.

Как и положено, в любом учреждении культуры есть такое понятие, как отчётный концерт. Сия беда не миновала и нас, хотя слово «беда», безусловно, к нам не относилось, для нас это был праздник. Играть мы должны на последнем звонке, так как клуб имел общую территорию со школой, то он и проводил соответствующие мероприятия.

Весна! Всё цветёт! Симпатичные девчонки-выпускницы, а в зале моя первая серьёзная любовь! Впереди концерт, обещающий очередных поклонниц и поклонников, что может быть лучше. На этот раз мы уделили внимание и внешнему виду группы, все нарядились в чёрное, напялили тёмные очки, и только Евдоха на этот раз вообще пропал с горизонта.

По старой доброй традиции за барабанами оказывается Яшка и с невозмутимым видом лупит опять по тарелкам. На этот раз злополучная «Эстрада» звучит как «Marshall», и всё проходит как по писаному, даже слишком гладко. Нам, правда, пришлось спеть несколько чужих песен, что-то из «Браво» и «Чайфа», но, как мы поняли, наши песни воспринимались не хуже. Концерт закончился, и тут мы сорвали настоящие овации, и какая-то девчонка подарила букет сирени, так что я вообще обалдел. Начальство – довольные, как удавы, не зря, мол, взяли, но больше всех подлил масло в огонь Курлов. Подходит и говорит:

– Всё! Завтра на телевидении вас ждут, будем записываться и клип снимать!

Начальство было в шоке. Как на телевидение, да ещё и на областное, им ещё работать и работать. А Курлов знай своё гудит:

– Я их вообще у вас скоро заберу. Объявляю себя главным продюсером!

Вовка, конечно, не стал нашим продюсером, а так и остался просто хорошим другом и очень помог нам сделать первые шаги на этом поприще.

* * * * *

Наступило лето. Нам светил очередной отчётный концерт, только не в ДК, а в городском парке. Площадка, я вам скажу, там далеко не маленькая, и сразу возникала проблема со звуком. Три комплекта «Эстрады» никак не спасали ситуацию, и мы с ужасом думали, как быть. К тому же так и не разрешилась ситуация с барабанщиком, и в этой безвыходной ситуации нас спасло чудо и правильное стечение обстоятельств. Мимо стоявших на крыльце ДК меня и Шурки на велосипеде проезжает Шуркин знакомый Сашка Натаров, который, кстати, служил в той самой пожарной части, где мы в своё время репетировали. Откуда его знал Шурка, я так и не понял, но Натаров, оказывается, был барабанщиком, и вот Шурка ему говорит:

– Саш, ты сейчас свободен?

– Да так, – говорит – а что?

– Понимаешь, у нас тут концерт, а барабанщика нет, может, выручишь?

– Ну, давай, только вот велосипед отвезу и приду, а где концерт?

– В «клетке». Там уже всё готово, и барабаны даже подзвучены, – говорим мы в приподнятом настроении («клетка» – это танцевальная площадка в парке).

– Ладно, уговорили, ждите, скоро буду.

Сашка был старше нас лет на десять и имел достаточно большой опыт в музыкальной деятельности, и ещё питал странную слабость к электронным барабанам. Даже в этот раз сразу приобщил их к главной установке, и над всем парком разнеслось «ту-тру-туту».

Сашка схватывал всё налету, и концерт прошел, в общем-то, неплохо, мы уже не тряслись перед выходом на сцену, как раньше, хотя, конечно, до полного спокойствия было очень далеко. И как-то само собой получилось, что Сашка стал с нами играть, а мы в свою очередь стали часть бывать в его квартире. Наш новый барабанщик оказался женат на милой женщине Ольге и имел маленького сына, что не мешало ему каждый день принимать многочисленных новых друзей. Он прозвал нас «лесниками» и даже прокол ухо, но не мог отрастить волосы, всё-таки служба. А из окна его маленькой кухни почти каждый день на всю улицу гремела музыка и наши стройные распевы. Больше всего нам нравилось раскладывать на несколько голосов «Огней так много золотых на улицах Саратова», и этот суперхит мы горланили несколько раз за вечер.

Порк, одолживший нам клавиши, стал часто приезжать к нам в Радугу из Владимира, всё-таки у нас была какая никакая репетиционная база, набор инструментов и свобода изъясления. Наша дружба завертелась стремительно конечно на почве исключительно музыки. Слушали мы все одно и то же, от «Кино» до «The Cure», понимали друг друга с полуслова, и вообще жизнь только начиналась, и впереди светило солнце. Хотя в общении Порк и оставался весёлым и общительным человеком, но в душе чувствовалась его жуткая тоска и одиночество. Я тогда не знал, есть ли у него друзья, кроме нас, вообще. Знал, что живёт он один с мамой и родственников на всём белом свете больше не имеет.

Так он у нас и «прописался». Приезжал из Владимира практически каждый день и даже стал «дружить» с одной из наших подружек. Постоянно что-то играли вместе, записывали кучу его и моих песен то у нас на базе то у него дома с помощью его синтезатора, выгатавив оттуда только драм машину. Жаль, что из этих записей мало что осталось. Это стало понятно тогда, когда пришла эра цифровых технологий и Порк, можно сказать, спас две наших песни, случайно обнаружив у себя на кассете. Но тогда мы и не думали об этом...

Как-то раз Шурка, я и Порк поехали в Москву за новыми пластинками, в результате пластинки купил только Порк, а мы с Шуркой в «Давайке» на Проспекте Мира взяли по футболке, я с «Алисой», а Шурка с анархией и надписью типа «Sex Drug Rock & Roll». Крутая вещь, он потом только в ней и выступал. Порку ничего же не оставалось другого, как взять себе тоже с Кинчевым, и мы с ним потом долго ходили, как близнецы, в одинаковых майках.

В общем, компания наша росла, а музыкальные пристрастия постепенно расходились. Наверно, становились старше, умнее, и в каждом начинала просыпаться определённая личность. Если раньше мы даже думали одинаково, слушали одну музыку, то теперь такого уже не было. Я плотно подсел исключительно на русский рок, новую волну и брит-поп, а Шурка жутко увлёкся хард-роком, и его любимцами стали «Led Zeppelin» и «Deep Purple». Мне почему-то не нравился древний звук этих команд, хотелось что-то более современное и новое, со всякими модными штучками, хотя, конечно, против таких групп я ничего не имел. А Шурка же, в свою очередь, посмеивался над завываниями Роберта Смита, Боно и не понимал, как я могу слушать такую фигню.

Курлов всё-таки сдержал своё слово и познакомил нас с режиссёрами Владимирского ГТРК Ириной и Мариной. Они только что закончили снимать видеоролик группы «Бахыт Компот» и были готовы к новым экспериментам. Надо сказать, Вадим Степанцов часто приезжал из столицы во Владимир для подобной работы, наверно здесь было дешевле или у него были дружеские отношения с режиссёрами, не знаю, но Вовка Курлов, во всяком случае, с ним общался и получал свежие записи от лидера «Бахыт Компота».

Для начала нужно было записать фонограмму, к сожалению, пока только акустическую, так как на ТВ не было соответствующего оборудования для записи электрических фонограмм. Были лишь студийные магнитофоны, записывающие на 38 скорости с возможностью сделать несколько накладок, отличные микрофоны и суперпульт. Нужно было определиться с песнями,

и мы выбрали: «Акустический лес», «Продолжая любить» и «Пожарку», последнюю я написал в память о бывшей репетиционной базе и лично для нашего нового барабанщика.

Рано летним утром, с тремя акустическими гитарами, я, Митёк и Шурка появились в студии телевидения в полной боевой готовности. Достаточно быстро был записан «Акустический лес», причём к трём гитарам накладывались ещё несколько, отчего получился полный струнный оркестр. Эта песня позднее вошла в наш первый альбом «Продолжая любить», а пока это была первая ласточка настоящей студийной работы.

* * * * *

Мы продолжали по-прежнему вариться исключительно в собственном соку, как говорится, ни себя показать, ни на других посмотреть, других музыкальных коллективов на горизонтах Радуги не было, а во Владимир мы как-то не торопились. Этот барьер разрушил Порк. Где-то случайно он познакомился с человеком по прозвищу Мумия, тот увидел Порка в алисовской майке и тут же подкатил:

– Алисоман?

– Да не так чтобы очень, ну, в общем, нравится.

– А я вот торчу от Костика! Ты, кстати, местный?

– Ну да.

– Тогда давай к нам, у нас тусовка большая, и даже несколько своих групп есть.

– А куда к вам? – спрашивает Порк.

– А мы на крыше тусуемся, на какой придётся, лишь бы повыше к небу, кстати, в эту субботу у нас там акустический концерт, ещё и с Нижнего Новгорода группа приедет, “Собака” называется.

– А если я с собой ещё группу приведу, “Акустический лес” называется, ребята – с Радуги, клёво играют, свои песни.

– Приводи кого хочешь, чем больше – тем лучше!

Мумия назвал адрес дома и пошёл дальше искать других неформалов. Как потом оказалось, Мумия ко многим подходил на улице и спокойно заводил разговор с абсолютно незнакомым человеком, создавая тем самым такие клубы по интересам. На следующий день, в субботу, Порк появился в Радуге и говорит:

– Поехали, я договорился. Выступите с Шуркой в две гитары, покажете класс!

– Куда? – спрашиваю.

– Ко мне тут на улице некий тип подвалил, по виду такой же раздолбай, как и мы. Мумией зовут. У них, говорит, целая туса, на крыше концерты дают. Словом – банда! У них завтра концерт на крыше. Поехали, я договорился, что и вы выступите и вообще познакомимся.

Я сначала замешкался. Нам было и неплохо в собственном радужном болоте, где все друг друга знают, а тут во Владимир ехать, мумии какие-то.

– Да ну, – говорю, – ехать куда-то к какой-то мумии и собакам, на крышу лезть.

– Да ты что? Там все нас ждут! Чуть ли не афиши висят, может быть...

Шурка принял сторону Порка, и я был повержен в неравной схватке с друзьями. По прибытию во Владимир, мы немного побродили вокруг указанного адреса и наблюдали за многочисленными группами молодых людей, сидевших на бордюрах и газонах. Сильно удивлял внешний вид, как парней, так и девчонок. На нас-то в Радуге смотрели, как на чокнутых, но по сравнению с ними мы просто отдыхали, сплошные феньки, булавки, нашивки и банданы.

Какой-то чудаковатый стоял с картинами, как мы поняли – художник. Было у этого чудака две картины, одна называлась «Я хочу танцевать с тобой очень медленно», а другая «Поцелуй птицы», на обеих были только брызги, и я решил спросить:

– Слушай, объясни мне бестолковому, может, я тоже художник, только об этом никто не знает, но что-то мне ни хрена не понятно, какие птицы, ведь здесь как краску пролили!

А он спрашивает:

- Ну, вот ты видел поцелуй птицы?
- Нет, – говорю, – а ты что, видел?
- Ну да.
- Ну и как? – спрашиваю.
- А вот так, – сказал он, указывая на холст с брызгами разноцветной краски.
- «Да, – думаю, – убедил! Публика тут в самый раз, лишь бы с крыши не скинули».

На крышу шестнадцатэтажного дома, чтобы не привлекать внимания прохожих и жильцов, мы заходил небольшими группками, а на крыше уже всё было в полном разгаре – выступала та самая нижегородская «Собака». Почему-то не одна песня у меня не осталась ни в одном месте, поэтому даже и сказать об этом коллективе нечего. А вокруг была забавная компания, человек пятьдесят на крыше, сидя на гудроне, пьют, курят, обнимаются, слушают и не слушают выступающих, в общем, душевно отдыхают. Было абсолютно понятно, что нас тут никто, конечно, не ждёт, да и вообще никто ни на кого внимания не обращает. Оказалось, что половина и друг друга совсем не знает, это Мумия наташил с улицы всех подряд, поэтому добрая половина сидела, как и мы, с пришибленным видом и ждала неизвестно чего.

После «Собаки» на «сцене» появились два парня, представляющих собой группу «Сансара». Первые строчки «Там, где свет городов – бродит моя смерть...» заставили всех затихнуть, видно этих ребят окружающая публика знала хорошо, да и дуэт звучал достаточно сыгранно. Похоже, они были знаменитостями в своих кругах, я даже заметил лёгкую звёздность в их манере поведения, как при выступлении, так и при общении.

Песни «Сансары» оказались очень близкими мне по духу, и в первый раз стало по-хорошему завидно. Почему не я это написал? В первый раз я понял, что нельзя нам больше быть одним, нужно выходить в свет, хотя бы и не совсем в белый. А ребята играли «Больничное танго, для тех, кто на костылях» и «Если бы я был колдуном, то б с неба достал звезду». Мазай, а так звали солиста этой группы, закончил своё выступление, и Порк попросил организаторов этого мероприятия разрешения на наш с Шуркой выход. Мы начали с моей новинки «Дети рок-н-ролла».

Когда померкнут звёзды, и погаснут огни
Кончилась ночь, и как всегда, я один
Жизнь покажет мне свой печальный взгляд
Но ты не молчи, не вижу правды в глазах
Пушай всё будет, всё как идёт
И пусть я не уверен, что меня кто-то ждёт
Но когда есть гитара, и когда есть слова
Хватило бы глотки допеть до утра
Вытри слёзы и брось меня жалеть
Я не умею лгать, я могу только петь
И нам не нужна чья-то печать
Никто не заставит нас замолчать
Мы будем петь, мы будем орать
Пушай кому-то из них мешаем мы спать
Пушай я сегодня пьян
Но не упади, ведь здесь так много ям
Ах, как прав Григорян, ведь существуют слова:
«Все мы не стоим мазни маляра»
Время скоро пройдёт, оно не станет нас ждать
Время, наше время летит вперед
Вытри слёзы и брось меня жалеть
Я не умею любить, я могу только петь

И нам не нужна чья-то печать
Никто не заставит нас замолчать
Жизнь перестала меня волновать
Лишь вот эти слова я записал в тетрадь
И не громко ли будет это звучать –
Но дети рок-н-ролла устали молчать!
Мне наплевать, кто, где и когда
Кому этот нужен лишний звон в проводах
Зачем это нужно? Но не в этом вопрос
Мы все уйдем, а с вас маленький спрос
Вытри слёзы и брось меня жалеть
Я не умею ждать, я могу только петь
И нам не нужна чья-то печать
Никто не заставит нас замолчать

Более-менее приличная гитара ленинградского производства, в зависимости от сложности соло, исполняемого моим другом, переходила из рук в руки от меня к Шурке и наоборот. Мы одним махом отыграли три песни и закончили лихим рок-н-роллом «Миру – мир и рок-н-ролл!!!»

Прошла зима – зазеленели помидоры
В окошках наших квартир
И на стене, а может, на заборе
Мы все напишем «Миру – мир!!!»

Вот такой пацифизм, ну а мы ждали рецензий на наше творчество.

– Это мы принимаем, – сказала девица по имени Бяшка, видно, имея в виду последнюю вещь, – а вы откуда такие нарисовались?

– Из Радуги, – ответили мы.

А между тем к нам подсел парень с внешностью молодого Егора Летова и говорит:

– Можно гитарку?

– Само собой, – говорю, – могу и подыграть, только тональность скажи.

– Да какая там тональность! Am, Dm, C, E и всё.

Первая песня носила явно панковский колорит, с легким матом, а называлась она “Бросить всё и уехать в Урюпинск”, была там классная строчка – «Любовь измеряют пиздой». Этого парня все называли Крейзи, а на самом деле звали его Макс Кузнецов. Крейзи недавно вернулся из армии и привыкал к гражданской жизни. Группа, которую он представлял, называлась «НВП», что в переводе означало «Не Всё Потеряно» или «Новый Владимирский Панк».

* * * * *

После знакомства с владимирскими рокерами мы с Шуркой пригласили их в Радугу. Мы уже давно вынашивали план большого концерта с участием нескольких групп, благо у нас появились такие возможности. Авторитет «Акустического леса» в Радуге постепенно рос, администрация ДК нам доверяла, и мы обладали достаточно большой долей свободы выбора в принятии определённых решений, оставалось только приурочить задуманное мероприятие к какому-либо поводу.

Подходил к концу июль, и ближайшей датой, самой известной в нашей рокерской жизни, оказалось 15 августа, день гибели Виктора Цоя. В этот день мы и решили устроить концерт памяти лидера «Кино». А чтобы не было проблем с погодой, решили не рисковать и устроить концерт не в «клетке», а в клубе.

Никакой особенной подготовки к такому грандиозному мероприятию мы не проводили, разве что с Шуркиным отцом съездили не репетиционную базу наших новых знакомых за хорошей барабанной установкой «Тапа». Вся «крыша» репетировала на рыбозаводе, и как ока-

залось, у них было три группы: уже знакомые нам «Сансара» и «НВП» и пока не знакомая «Невод». Все три группы имели одного на всего барабанщика Олега, одного на всех басиста Вовку и одного на всего гитариста Славку. Менялись только солисты, которые пели свои песни, тем самым и олицетворяя собой свою группу.

Было ещё и достаточно большое количество поклонников молодых талантов, поэтому в день концерта, в Радуге, можно было наблюдать интересную картину. Толпы молодёжи одетых не по стандартам приличного человека околачивались около клуба и пивного ларька. Длинные волосы хиппарей вызывали неописуемую радость радужной шпаны, и она с чувством, что скоро начнётся самое интересное, почёсывала кулаки. Администрация клуба же призадумалась, может зря всё это, и от греха подальше испарилась, возложив всю ответственность на нас, а конкретно на Шурку, ведь он был официальным работником.

Мы тем самым приступили к настройке аппарата. Опыта подобных солянок у нас никогда не было, поэтому, как не бились, выжать из «Эстрады» приличный звук не удавалось. Мазай, с видом суперзвезды, требовал приличного звука и мониторов, чем вызвал наше с Шуркой возмущение, мол, не нравится – валите вообще все в сад, можно подумать, мы с мониторами играем.

Толком мы так и нечего не отстроили, а только вымотались, как черти и ждали, когда всё это закончится. А между тем всё началось, и первой на сцену поднялась группа «Невод». Во время их выступления продолжалась настройка аппарата, поэтому понять хоть что-то было сложно. Одно можно сказать, что ритм-секция в лице барабанщика Олега и басиста Вовки заставила проникнуться уважением. Вовка был большим поклонником басиста «Аквариума» и «Кино» Александра Титова и играл, как и тот, на безладовом басу. Было видно, что с Олегом они вполне сыграны.

Когда «Невод» закончил выступление, его солиста Серёгу сменил Мазай и объявили «Сансару». В зале и за кулисами рекой лился портвейн, а публика между тем разделилась на две половины, одна оттягивалась на полную катушку, другая сдержанно ожидала самого худшего. В фойе мелькали милицейские фуражки, видно наши хулиганы уже успели кому-то засветить по морде.

«Сансара» в электричестве звучала намного хуже, чем в акустике на крыше. Гитарист Слава всю дорогу настраивал гитару, кругом всё свистело и заводилось, басист Вовка пытался подглядеть у Мазая аккорды песен, словом, полная лажа. Те песни, которые мне так запали раньше, были просто убиты отвратительным звуком и несыгранностью группы. На самом деле оказалось, что ритм-секция имела прямое отношение только к «Неводу», а остальным просто помогала, так что будет в данном случае с выступлением третьей командой «НВП», я уже знал.

Поскольку Славка играл на Шуркином «Треаксе» и всячески его перестраивал, переключал датчики и все пытался залезть вместе с ней в колонку, надеясь себя услышать, то иногда можно было слышать Шуркин вопль из-за пульта:

– Хули ты его дергаешь!!! Оставь все, как есть и отвернись от колонки, заводиться не будет! Вот и давай таким гитаристам гитару!

Крейзи выступил в своём духе, с матерком и криками, поэтому плохой звук был даже к лицу «НВП». Про Цоя все забыли начисто. Закрывали этот концерт мы. Я практически не помню этого выступления, наверно сказались жуткая усталость и полное расстройство нервов, но радужная публика поддерживала своих, и становилось немногим лучше. Помню, что-то даже из Цоя сыграли, по-моему, «Ночь». Всё закончилось, и народ потянулся к выходу, оставляя после себя огромное количество пустых бутылок.

Теперь нужно было проводить гостей и как-то подлечить опустошённый сосуд души, но часть владимирских музыкантов наотрез отказалась уезжать, сказав при этом, что просто необходимо идти в лес, жечь костёр, петь песни и попивать горячительное. В результате, в количестве двадцати человек, наша компания оказалась в лесу, причём мы думали, что угощать

будут они, а владимирская банда что мы. Каким же было всеобщее удивление, когда угощения в виде бухла не оказалось, в лесу ночь, все магазины закрыты, и последний автобус во Владимир давно ушёл.

Холодало. Найти дрова в абсолютной темноте случалось редко, поэтому нормально чувствовали себя лишь те, кто заблаговременно принял на грудь. И вот сидим мы под звёздным небом, и Славка говорит:

– Эх, мне бы сейчас гитарку, я бы что-нибудь сыграл!

– А мне бы бас-гитарку, – раздаётся из темноты голос Вовки-басиста, – я бы такое сыграл!

– Да ладно, сначала играть научись, да и что можно на четырёх струнах сыграть.

И вообще, твой Титов играть не умеет.

– Кто не умеет? Да он круче всех!

Примерно в таком духе споры о преимуществах и недостатках двух лишних струн продолжался достаточно долго, и к всеобщей радости, ночь подошла к концу. Усталые и замёрзшие, все расходились и разъезжались по домам.

* * * * *

Осень прошла в репетициях и посиделках на кухне у Сани Натарова. Все вечера, а иногда и дни, мы проводили в уютной кухне его маленькой однокомнатной квартиры на втором этаже пятиэтажного дома.

После последних событий августа наша популярность в Радуге значительно выросла, начали появляться почитатели нашего творчества и куча новых знакомых. Как-то раз, дождливым осенним вечером, мы слегка навеселе шагали по неосвещённым улицам Радуги и увидели группу ребят с гитарой. Те, в свою очередь, окликнули нас:

– Пацаны! Вы же «Акустический лес»! Может, настройте гитару, а то что-то никак.

Наше радостное настроение от такой славы и изрядно выпитого до этого взлетело ещё выше:

– Да нет проблем, сейчас ещё и споём!

Как я не пытался её настроить – все попытки оказались безуспешными. Митёк попробовал сменить меня и, видя, что у него получается не лучше, отдал её мне. Я что-то попытался изобразить, но почему-то это у меня вызывало непонятный хохот. Все тоже повеселели, а один этих парней по имени Сергей и по фамилии Забатурин хохотал больше всех:

– Ну, блин! Вот приколы! – и тут же серьёзно спрашивал: – А вот эту песню сыграть можешь?

– Конечно, могу, – мычал я, – только не сейчас, хотя...

И так далее в том же духе. Забатурин оказался не на шутку продвинутым меломаном, кидался названиями неизвестных нам групп, хорошо знал репертуар звёзд русского рок-н-ролла и вообще поражал своей образованностью в неполные семнадцать лет. Зэб, как мы его прозвали, как-то быстро влился в нашу компанию и потом долго вспоминал наше знакомство:

– Смотрю, идут наши радужные звёзды, думаю надо как-то подкатить, а потом как глянул – они же никакие! Ну, блин! Ну, музыканты! Гитару настроить не смогли! Спеть – и то не смогли! Ха-ха! Музыканты хреновы!

Где-то ближе к зиме Володя Курлов сообщил мне, что на владимирском телевидении готовы приступить к съёмкам клипа. Эта новость всех нас жутко обрадовала, и в один прекрасный день наша группа в составе меня, Шурки, Митька и Сашки появилась в павильоне студии ВГТРК. Снимали мы ролик на песню «Акустический лес». Вся фишка задумки режиссёра заключалась в том, что мы снимаемся лёжа не каких-то кубиках, а камера катится на рельсах по полу, отчего получается эффект, что мы сидим на стенке.

Поскольку в кадр попадали наши ноги, а на них в данный момент у всех были напялены зимние башмаки, решили для эстетики сниматься босиком. На дворе стоял декабрь, и в студии

было жутко холодно, тем более босиком, но отступать не приходилось. Лязгая зубами, все залегли на декорации.

Прозвучала команда «мотор», и мы дружно ударили по струнам, пытаясь зачем-то заглушить фонограмму, тем самым периодически выпадая из ритма. Но с этой бедой мы, в конце концов, совладали, а вот с другой не получалось. Поскольку все мы лежали на полу, то в кадре наши волосы как бы прилипали к стенке, поэтому режиссёр по громкой связи убедительно нас просил оторваться от пола или хотя бы нагнуться. Легко сказать, больше минуты живот просто не выдерживает, и в конечном варианте ролика отлично видно, как Шурка из последних сил напрягается, но всё-таки обессиленный роняет голову.

В перерывах, надевая носки и просматривая отснятые кадры, заметили странную вещь – у всех на лице полное половое созревание, хотя в зеркале всё было вроде бы нормально, а так как настала время съёмок крупных планов, то срочно вызвали гримёра. Как бы нам не пудрили носы и не накладывали грим, все попытки оказались тщетными, мы все равно оставались в мониторе прыщавыми юнцами.

Оператор всё валил на камеру, мол, контрастность такая, и вообще, нужна другая камера, а она на выезде. Режиссёр орал, мы мёрзли и боялись камер, оператор вспотел – нормальная рабочая обстановка. Конечно, артисты из нас тогда были никакие: эмоций нет, открывать рот под фонограмму было как-то непривычно, а мышцы пресса уже не к чёрту. Всё закончилось лишь поздно вечером, и, махнув в операторской комнатке на посошок, наша компания с чувством благодарности к бескорыстию телевизионщиков отбыла восвояси.

А звукорежиссёр Ирина задумала снять целую передачу о нас, уж не знаю, чем мы её зацепили, но подошла она к этому делу со всей серьезностью. Для этого одного ролика, да ещё и в акустике, было явно мало, поэтому при очередной встрече она и говорит:

– А давайте вы в Радуге сделаете сольный концерт, отстроите хороший звук, а я выпишу съёмочную группу на выезд. Снимем концерт!

– Здорово! – говорим. – Когда делаем?

– А что тянуть? Чем скорее – тем лучше! Договаривайтесь со своим клубом и сообщайте число.

Что может быть проще! Договорились, назначили день концерта, развесили афиши и сообщили всем своим многочисленным друзьям о предстоящем шоу. Мы с Шуркой уже заканчивали свой техникум, и дело запахло армией, а поскольку в приписную Шурку записали в автобат, то почти каждый вечер он учился в автошколе. Именно в день концертных съёмок, как назло, у него был либо важный экзамен, либо инструктора слишком строго следили за посещаемостью, словом Шурка жутко не успевал на концерт. Дело принимало слишком плохой оборот.

Выручила нас сама звукорежиссёр Ирина. С видом заправского журналиста, на машине ВГТРК, со всей съёмочной бригадой, она заявила в автошколу, и, махнув своим телевизионным удостоверением, решительным голосом заявила, что срочно нужен Фомин Максим Владимирович. Все сидевшие инструктора и ученики обалдели по полной программе и не замедлили отпустить будущего Шумахера. А Шурка гордый и счастливый прыгнул в машину владимирского телевидения и через сорок минут был на сцене в Радуге.

Мы же постарались на славу. Отстроили аппарат так, что приехавший со съёмочной группой Шурка, услышав, как мы репетируем без него, ещё из фойе заорал:

– Блин, как с пластинки! Давай покажем этим сухопутным крысам, как бушует Балтика!

Зал между тем забивался людьми, ВГТРК расставляли микрофоны по залу и устанавливали камеры, радужное кабельное телевидение тоже прислало своего оператора, а мы сидели в гримёрке и выглядывали из-за кулис на полностью забитый зал и мелькающие тут и там камеры. С первых минут концерта отлично настроенный аппарат дал сбой – вылетели басы, всё

зафонило и затрещало. Настроение упало до нуля, и бушующая Балтика растерялась донельзя. Кругом камеры! Человек 500 в зале! Звук никакой!

С видом испуганного кролика я припал к микрофону и дёргал струны чужой самопальной электрогитары, которая висела у меня чуть ли не на ушах. Митёк изредка подпевал мне в мой же микрофон и делал вид, что ему всё нравится, Шурка боролся с фоном своей прищечки «Лель», а Санька Натаров пытался услышать нас через чудо мониторы и старался аккуратно попадать в такт.

Всеобщими усилиями мы достойно дотянули до конца, и несколько огорчённые сошли со сцены. Все наши друзья говорили, что всё отлично и хреновый звук никто и не услышал, и вообще всё круто. Мало-помалу мы успокоились, радужное телевидение даже пригласило нас на съёмки нашего интервью, владимирское сказало, что просмотрит материалы и решат, что снимать дальше, словом, жизнь продолжалась.

* * * * *

Мы с Шуркой попали на радужное кабельное телевидение и дали первое в своей жизни интервью, но так жутко стеснялись камер, что потом пришлось переснимать. Песни писались постоянно, и от избытка материала мы не успевали его делать, наверно, с этого момента так и повелось: я начинаю с гитары песню, потом все потихоньку подхватывали, Митёк старался подглядеть аккорды, Мяс периодически то появлялся, то пропадал, и как-то всё не клеилось.

Меня всё это очень злило. Да ещё Шурка с Митьком начали сворачивать в сторону хард-рока и потихоньку наигрывать свои темы. Я всегда чувствовал Шуркин потенциал и как он мог влиять на людей, в данном случае Митёк был явно на его стороне. И в конце концов я начал замечать, что мои новые песни не воспринимаются моими друзьями, как бы мне хотелось.

Нет, никто не тянул одеяла на себя и не пытался быть первым, но мы с Шуркой понимали, что в одной группе нам будет теперь трудновато. Но ведь «Акустический лес» был нашим общим детищем!

– Понимаешь! – говорил Шурка. – В одной группе не может быть двух лидеров. И я не знаю, что должно произойти, может меня завтра так переключит, что мне захочется только к твоим песням аранжировки и соло придумывать. А может, и нет, буду только своим материалом заниматься.

Что я мог ответить? Шурка был прав, но как быть дальше – похоже, не знал никто. Я стал часто ездить во Владимир. Крыша охотно выслушивала мои песни и находила в них такой скрытый смысл, что я сам диву давался. Иногда мы с Крейзи устраивали песенные бои по типу, а вот мою новую послушай, а я вот какую штуку написал. Крейзи был ещё тем поэтом-песенником. Воспитанный на Кинчеве, Башлачёве, Высоцком и Летове он сумел мне вдолбить, что к слову надо относиться аккуратно, а музыка – это все фигня, три аккорда и дело в шляпе. Я конечно на счёт шляпы был не согласен, но тексты Крейзи меня просто убивали. Как можно такое придумать! Гений! Я тоже так хочу! Безусловно, Крейзи в этом смысле повлиял на меня, да и я становился старше, начал много читать. Достоевского, Гоголя... Конечно, всё это дало свои всходы, появилось то, что сейчас называется альбомом «Продолжая любить».

Как родился и жил
Как пожил и ушёл
Как взлетел и упал
Как упал и не встал
В ночь, как филин, смотрел
Засыпал, как река
Высыхал, как слеза
И вздыхал, как земля
Белым камнем дыша
То, что видел он

Всё осталось в душе
А душа вся при нём
Он с рожденья клеймён
И про тело забыл
Тело – лишняя боль
Зачерпнул сапогом
Души трезвых людей
Вспоминая о ней
И пошёл по земле
Собирать урожай
Заметая следы
Чёрным взмахом крыла
Ночью со звёздами спал
А ему месяц пел
Ну, зачем ты покинул
Дом родной и себя
Днём как солнце горел
Ветер угли сдувал
А он рукой укрывал
Тех, кто только на ноги встал
И поскользнулся, упал
И как с рекою мечтал
О мосте и ладье
О воде и земле
О ручье и кресте
Но с лесом не о чем петь
Ведь его уже нет
И вот странник в пути
Без моста и ладьи
А где ступала нога
Загорались костры
И вот чертям всем назло
Он долетел до весны
А когда в землю он врос
Он понял – это конец!
И души вырвались вон
Продолжая любить
продолжая любить
А он остался стоять
Он сделал всё что хотел
Он сделал всё что умел
И ворон тайну хранит
Как родился и жил
Как пожил и ушёл
Как взлетел и упал
Как упал и не взлетел
Как упал не пошёл
Как упал и не встал

А между тем, во всей нашей владимирской компании бродили настроения – а не встряхнуть ли теперь город Владимир по полной. Устроим концерт, чтоб мох слетел! Площадкой для штурма стал владимирский дворец юных пионеров, стоявший на таком пустыре окраины города, что не будь я пионером, то, наверно, побоялся бы ходить в его окрестностях в тёмное время суток.

Организатором всего действия выступила «крыша», которая всеми немыслимыми способами умудрилась пробраться туда и завязать нехитрые отношения с администрацией. Плюс ко всему огромную поддержку молодым музыкантам решил оказать Сева Шилов, музыкант групп «Игры в облаках» и «Карантин». Последняя группа гремела во Владимире не на шутку и постоянно выступала на разогреве перед приезжающими на гастроли «Крематорий» и «Ноль». Их песня «Вали на север, муха» занимала достаточно высокие позиции в хит-парадах «Радио России», и вообще весь Владимир был часто заклеен их афишами.

Водить дружбу с такими знаменитостями было, безусловно, очень приятно, а то, что такие люди решили помочь нам в организации большого концерта, придавало сил и вообще давало определённый шанс на будущее. Когда Сева послушал нашу новинку “Мечта импонтента”, то воскликнул:

– Блин, да это же Смитовская «Boys Don't Cry»! Уважаю. Тоже любишь?

Всё мероприятие было назначено на 7 мая. Было изготовлено немыслимое количество билетов, только непонятно кем и непонятно где, но распространялись они с невероятной скоростью, передавались из рук в руки, а о концерте ходили легенды. Одна только “крыша” делала такой PR, что сегодня ни одна радиостанция не смогла бы сделать такое. Заявлено было три команды: «НВП», «Акустический лес» и «Гулливеры».

Заблаговременно, за день до концерта, все музыканты собрались на саунд-чек, на настройку барабанов, да и просто пообщаться. И всё бы хорошо, но на душе было неспокойно, поскольку наш барабанщик Сашка Натаров был в отпуске и находился где-то далеко, и успеет он приехать на концерт или не успеет – никто не знал. Поэтому мы вели отчаянные переговоры с барабанщиком Олегом, играющим с «НВП», и тот, в общем, был не против.

Немного успокоившись, все занялись настройкой аппарата, и первыми решили опробовать «Гулливеры». Эта группа была для всех абсолютно новой и незнакомой, ребята играли классический рок-н-ролл и делали это довольно круто, причём с настоящими аранжировками, и со всякими интересными фишками и приёмами. Вот, думаю, чуваки аранжировки придумывают, репетируют, небось, каждый день, аккорды друг у друга не подсматривают. Вот бы нам так! Наверно тогда у меня появились первые мысли, что всё надо менять на корню.

А «Гулливеры» лихо наяривали рок-н-ролл и матерились по поводу отсутствия мониторов. Вот тут пришлось завидовать им – нам, мы-то привыкшие, нам по барабану, есть они или нет, мы всегда без них играли, и о таких чудесах техники не мечтали. В результате, чистоплюйство музыкантов одержало верх над участием в концерте, и «Гулливеры» сняли свою кандидатуру, хотя басист группы Сашка «битломан» и пытался этому воспротивиться.

Ну что ж, нет – так нет. Так мы остались вдвоём в компании Крейзи с его «НВП», где в качестве гитариста фантастическим образом оказался наш друг Порк. Звук аппарата очень радовал, его мощности можно было только позавидовать, а подиум для барабанов и световые эффекты радовали душу и придавали силы грянуть по-взрослому.

На следующий день мы с Шуркой отпросились с учёбы по раньше, сообщив при этом своим однокурсникам и преподавателям, что, мол, такое дело, приходите, будем рады и вообще телевизор надо почаще смотреть. Наш барабанщик Саня, слава Богу, вернулся и со спокойной душой, дружной компанией мы двинулись к Дворцу пионеров.

Такое количество неформалов я ни разу в жизни до этого не видел! Панки и хиппи, металлисты и вообще непонятно кто оккупировали все ближайшие кусты и газоны. Администрация дворца, пытаясь защитить зелёные насаждения, вступила в полемику с уже не совсем трезвой

публикой, но была послана подальше. Запахло скандалом. Зато спокойный Сева Шилов, расхаживая в косухе и казаках по кругу, увидав, что кто-то разбил бутылку, подходил и очень вежливо поучал:

– Ну зачем ты бьёшь бутылки? Ведь здесь гуляют дети! А если это будут твои дети? Хотя... Хотя у таких, как ты, детей никогда не будет!

Сражённый этим научным объяснением и вежливостью, удручённый панк спешил раствориться в воздухе. Вообще Владимир очень отличается от других городов огромным количеством панков. Лозунг «Панки в городе» – это типично для Владимира, поэтому уже позже там частенько стали гастролировать «Наив», «Король и шут» и подобные товарищи.

А зал между тем набивался людьми. Администрация периодически устраивала тут и там скандалы, призывая народ к порядку и грозясь вызвать ОМОН. А перед самым концертом наотрез отказалась пускать представителей владимирских СМИ по их журналистским удостоверениям. В срочном порядке все музыканты заявили к директору и заявили, что вообще играть не будут, если не пустят представителей прессы, а грозная публика разберёт весь дворец по кирпичику ещё до приезда милиции. Интересно, влетело ли потом за всё Севе... В результате пускать начали всех.

Первыми начали «НВП», с тем же лёгким матом и глубокой лирикой. Порк периодически подпевал Крейзи и терзал новый Шуркин «Galaxies» (я к тому времени перекупил у Шурки его «Треак», как сейчас помню, за 70 рублей). Из-за кулис, конечно, толком я ничего не слышал, но понял – в зале полный рок! Публика рвёт и мечет.

Когда мы, затянутые в чёрное, появились на сцене следующими, то стало понятно – народ только разогрелся, а лично мне стало страшно от такого количества незнакомых мне людей. В Радуге мы знали практически всех, и было очень легко, а здесь такая толпа и ни одного знакомого лица, хотя кое-кто и приехал к нам на поддержку.

Концерт прошёл на одном дыхании. Стараясь не тормозить между песнями, мы выкидывали в зал всё что можно. Солист «Карантина» Виктор Пеньковский, сидевший за пультом вместе с Севой, со слов последнего сказал:

– Смотри, эта группа рано или поздно ещё себя покажет. Как она называется?..

А мы заканчивали концерт традиционной «Дети рок-н-ролла», ловили вспышки фотоаппаратов и крики из зала «Давай!!!». По-моему, в первый раз мы спели этот хит вдвоём с Крейзи, по принципу «Всё это рок-н-ролл!», я первый куплет, он второй, третий вместе, ну а припев все – кому достанется микрофон. Финал удался на славу!

Только когда всё закончилось, народ стал требовать продолжение банкета, а продолжать собственно было уже некому. Вся разгорячённая публика вывалила на воздух, отдавая всю неизрасходованную энергию вселенной, в результате чего администрация дворца всё-таки вызвала ОМОН. Милиция приехала быстро. Размахивая дубинками и с криками «А ну все по домам!», захватив с собой парочку самых агрессивных рокеров, разогнала весь народ и отбыла восвояси.

На всю эту картину мы посматривали из окна машины Шуркиного отца, который на своём микроавтобусе приехал забрать «суперзвёзд», и реально становилось как-то не по себе – ведь мы имели прямое отношение ко всему происходящему! Но, по-моему, всё кончилось благополучно, все были живы и здоровы.

Через несколько дней во владимирской прессе появились первые публикации о прошедшем мероприятии. Я бегал по киоскам и скупал все газеты, какие можно. На самом деле информации было не много, а та, которая была, отличалась скупостью и местами неправдоподобностью, например, никто не написал про приезд ОМОНа, а группу «НВП» вообще обозвали группа «Крейзи». Но в любом случае всё получилось как надо – «Акустический лес» вышел за границы Радуги.

* * * * *

Летом 1994 года, миновав все военкоматы и призывные пункты, я поступил во Владимирский политехнический институт на факультет технической кибернетики, поступил очень легко и абсолютно не готовясь. Теперь даже страшно вспомнить, что это такое, а тогда на это факультет брали практически всех подряд, ну а я после техникума с такой же специальностью вполне подходил на роль студента. Шурка загремел в армию, а поскольку воинских частей рядом с Радугой было хоть отбавляй – начал проходить службу рядом с домом.

Моя учеба, конечно, не занимала ни одной клетки головного мозга, да и я особо заморачиваться не собирался, все мысли были только о музыке и о записи альбома. Порк с Митьком учились в том же универе (только на радиотехническом факультете), да и пол-«Крыши» тоже являлись студентами ВГТИ. Учился на юрфаке будущий лидер группы «Дали» – Александр Семенович или, как его все звали, Семён, который только начинал писать свои первые опусы. В соседнем педагогическом учился Забатурин, Мяс и Крейзи – короче, я был не одинок, и ближайшее кафе «Новинка» всегда было оккупировано нашей компанией: дешёвое владимирское пиво с мутным осадком было по карману. Радиотехники называли это ПНП переходом (есть такая штука в транзисторах) Политех-Новинка-Политех, ну или НПН – то есть наоборот. Так вот в моём случае было по большей мере последнее.

Единственное, что омрачало действительность, так это моё беспокойство по поводу состава «Акустического леса». Шурка в армии, Сашка Натаров не подаёт активности, Мясу всё напополам, Митьку вроде тоже, короче, всё очень натянуто, и группы как таковой нет.

Как-то раз один мой знакомый сказал, что у него есть знакомый барабанщик, что типа круто играет, и вообще настоящий панк! Так вот этот панк хочет играть примерно в такой группе, как у нас, и что вообще он клёвый парень. Ну, я сказал, конечно: давай, привози его в Радугу ко мне – посмотрим, поговорим, а там видно будет. На тот момент я действительно пришёл к выводу, что старого «Акустического леса» уже не вернёшь, и серьёзно думал о будущем.

Каково было моё удивление, когда ко мне домой заваливается этот знакомый, и с ним такое чудо, каких не увидишь в Радуге точно! В трико, в джинсовой куртке, из которой торчат три майки, а в трико чуть ли не заправлена сама куртка. В больших круглых чёрных очках и чёрной беретке, покачиваясь из стороны в сторону, стоял парнишка.

– Знакомся, Стас, это Лёха! – сказал Электрик (так звали того самого приятеля). – Тот самый барабанщик, про которого я тебе говорил.

– Здорово, Лёха, – говорю, – пойдём, Лёха, погуляем и покурим, поговорим, есть дело.

Лёха был немногословен, как-то стеснялся, покашливал, прикрывал рот рукой, тёр нос, и всё так же покачивался как пьяный. Я ещё подумал, не наркоман часом? Но оказалось, что это у него природное.

– Лёха, у тебя майка сзади вылезла, – сказал я Лёхе.

– Это специально, так надо! – отвечал тот.

Электрик ушёл и оставил нас вдвоём. Мы уселись на лавочку, закурили и завели разговор:

– Что слушаешь-то, Лёх? – спросил я.

– «Кино» люблю, «Бригаду С», «Браво», «Гражданку», да всё помаленьку.

Странный набор, думаю, «Браво» с «Гражданкой» мешать, хотя и сам слушал с удовольствием и то, и другое

– А вообще, лучше «Кино» нет ничего, – продолжал Лёха, – но рок-н-ролл люблю, твисты всякие. Вот Павел Кузин крутой барабанщик!

– Давно на барабанах?

– Да пару лет. У меня при училище кружок музыкальный есть, вот мы там с пацанами рок-н-роллы и рубим, правда, всё чужое, а хочется своё. Барабаны думаю свои купить.

Мне очень понравился Лёхин настрой, и знание школы барабанщика «Браво» и «Бригады», и желание приобретения собственного инструмента, и вообще желание играть. Да и сам

он производил впечатление очень доброго и застенчивого малого. Я поделился с ним своими переживаниями за состав группы, и сказал, что барабанщик вроде бы есть, а вроде бы и нет. Группа на грани развала, что, в принципе, конечно, надо попробовать поиграть вместе, а там видно будет.

– Хорошо, – сказал Лёха, – когда на репетицию приезжать?

Мы договорились о встрече и разошлись. Лёха жил во Владимире, и на репетиции ему бы пришлось мотаться в Радугу, тратя на дорогу уйму времени и денег. А как его представить остальным ребятам? Знакомьтесь, это Лёха, наш новый барабанщик! И самое главное, как к такому повороту событий отнесётся Сашка Натаров? Вроде бы не порядочно так поступать! Надо сначала Мяску бы сказать, ему всё равно всё пофиг. Такие мысли вертелись в моей голове и не давали покоя. В результате, отдав себя на волю судьбы, я твёрдо решил, что Лёху надо брать.

Честно говоря, не помню, говорил я кому из своих или не говорил по поводу нового барабанщика, но когда на репетиции появился Лёха, никаких взрывов не произошло. Митёк с Мясом довольно спокойно отнеслись к новому человеку. Мы поиграли с Лёхой что-то из рок-н-роллов, что-то из собственного репертуара и в принципе я остался доволен, хотя по ритму Лёха плавал. Но что мне понравилось, так это то, что он не просто подыгрывал, а действительно делал свои партии и учил песни, и самое главное, что ему это очень нравится. Забегая вперёд, скажу – это был тот самый Алексей Егорычев, который после этого 11 лет был постоянным участником нашей команды, да и сейчас если не в группе, то, во всяком случае, с ней.

* * * * *

Между тем, на владимирском ВГТРК состоялись премьера клипа «Акустический лес» и снятое заранее интервью с нашей группой. Концертная запись с Радуги была забракована, поэтому вся телевизионная передача была в акустике. Сам же клип позднее взял какой-то приз на неизвестном фестивале и потом уже крутился по всей стране на региональных ТВ. Но это была акустика, а очень хотелось профессионального электричества.

Когда при встрече с режиссёрами клипа Мариной и Ириной я заводил подобные разговоры, девчонки предложили идею:

– У нас сейчас будут съёмки видеоролика известного владимирского музыканта Алексея Сидорцева! Он же в театре звукорежиссёром работает, и он непосредственно записывает музыку для спектаклей. Мы поговорим с ним. Попробуем договориться на одну песню!

Уже на студии областного театра кукол я познакомился с Алексеем. Добрейший души человек, интеллигент, безумно талантливый композитор и аранжировщик встретил меня радушно:

– Пишем внакладку с двумя перезаписями, последний пишем вокал. Барабаны давайте набьём на синтезаторе.

– Ирина просила нас записать одну песню, – сказал я, – честно говоря, песня откровенно слабая, уж не знаю, почему она ей так запала.

Про песню я имел в виду мою «Звезду». Она и вправду была никакой, так и пропала потом, даже сейчас слов не вспомню. Что-то «А я уезжаю, светит звезда и кругом железнодорожные пути».

– Раз Ира сказала её, значит, так надо. Ей видней! Постараемся приукрасить.

Студия особо не впечатлила. Ленточный магнитофон, пульт и огромный синтезатор. Изумляла только кабинка с окном для записи голоса, такого я ещё не видел. Мы засели на запись и быстро пробили барабаны. Поскольку басиста не оказалось рядом, то Сидорцев прописал на синтезаторе мидийный бас и добавил фон клавиш. Ну а потом я два раза прописал акустическую гитару и соло. Вокал тоже записали практически с первого дубля. Как-то всё быстро, наспех. Я абсолютно не знал тонкостей студийной работы, хотя Алексей давал правильные советы и сыпал неизвестными мне музыкальными терминами.

Результаты работы расстроили Ирину:

– В акустике мне эта песня больше нравилась, – сказала она. – Ладно, давайте пока тор-мознём эту тему, какие у вас планы?

– Вообще, это мой первый опыт студийной работы, – ответил я. – Мы сделали кучу оши-бок, да и, по моему мнению, песня откровенная слабая. Вот если бы альбом записать у Сидор-цева! Подойти к этой задаче основательно и без спешки.

– Ну, тут я вам помочь не смогу. Всё что могла я уже сделала. Договаривайся с Лёшей сам.

И я загорелся. Нужно писать альбом всеми правдами и неправдами. Администрация Радуги пообещала финансово помочь, я пообещал Сидорцеву, что всё как-нибудь оплатим, а Сидорцев ничего обещать не стал, а просто сказал:

– Приезжайте, начнём!

Запись проходила по схеме – песня в день. Я играл все соло партии на гитаре, Мяс смот-рел, как играет Сидорцев, и иногда сообщал Алексею примерную тему партии, иногда приез-жал Митёк и в некоторых песнях прописывал бас-гитару, появлялся Порк, который местами тоже что-то играл на ритм-гитаре, словом, полный бардак. Один раз приехал Лёха-барабанщик с драм-машиной «Yamaha» и начал лечить Сидорцева, какие барабаны ему пробивать – это была умора, показать на маленькой драм-машине ритмы для «Ensoniq TS10».

Самая нелепая история произошла с записью песни «Индивидуальный сортир». Приез-жаем мы с Мясом на запись, а в студии траур – скончался кто-то из сотрудников театра, помню, что в студии много людей с большими бородами и все пьяные.

– Ну что, начнём? – весело спрашивает Сидорцев.

– Прямо не знаю, – отвечаю, – может, не надо, всё-таки поминки, песня далеко не груст-ная.

– Ничего, поработаем! Кстати, вот стаканы – помяните.

Мы помянули человека, которого даже не знали, и засели пробивать барабаны. Потом помянули ещё раз, а потом ещё, а потом мы с Мясом два раза бегали за водкой, при этом процесс записи не прекращался, а потом я не помню, как прописывал голос, но помню, что нам всем окончательный вариант песни очень нравился.

Проснувшись на следующий день и прослушав кассету с песней, стало очевидно – погу-ляли мы вчера на славу, вот только записали, не пойми что. Приезжаем к Сидорцеву, а он весь мрачный такой, больной и грустный.

– Алексей, – говорю, – мы там вчера что-то вроде налажали, может, перепишем?

– Конечно, перепишем, я уж сразу понял, как проснулся, только давайте сначала пивка попьем!

Альбом записывался очень быстро. Где-то к концу работы над ним я написал новую песню «Домашняя кошка» и прямо в акустике принёс её в студию – аранжировка к ней при-думывалась по ходу записи.

К песне «Продолжая любить» планировалось живое соло на флейте, и я попросил нашего знакомого по «крыше» Серёгу Никонова помочь в этом. У Серёги вечно дрожали руки, отчего его партия получилась такой нежной, такой чистой, что песня приобрела совсем новое звуча-ние. Я до сих пор считаю, что это лучшая песня на альбоме, очень самодостаточная и глубокая, есть в ней что-то такое, что не поддаётся объяснению.

К концу лета 1994 запись альбома была закончена, оставалось только упорядочить песни и сделать обложку. Альбом был готов и получил название «Продолжая любить», а первой пес-ней была всё-таки оставлена та самая запись с ВГТРК в акустике. Как-никак первый альбом «Акустического леса», и он пошёл в народ. Было чертовски необычно видеть своё детище на пиратских кассетах, где с одной стороны были мы, а с другой только что вышедший новый альбом НАУ «Титаник». Такое соседство заставляло гордиться, а сама обложка, напечатан-

ная на дешёвом ч/б принтере, веселила искусно сделанным монтажом, где я с гитарой сидел на унитазе.

* * * * *

Новый 1995 год всё-таки внёс свою стабильность в состав группы, и я уже был в некотором роде спокоен. Лёха-барабанщик притащил на репетицию с собой приятеля Гошу и категорически настаивал на его прослушивании в качестве басиста. Гоша, он же Игорь Мочалов, в свои 16 лет выглядел на все 20 (борода!) и на прослушивание пришёл абсолютно подготовленным. Конечно, он был безоговорочно принят в команду, и мы тут же принялись прогонять старую программу и делать новые песни. А их написалось уже не мало. В дальнейшем этот цикл песен станет альбомом «Миру-мир и рок-н-ролл», но до него был ещё целый год, а впереди светило куча концертов.

Когда Шурка ушёл в армию, невзирая на отсутствие у меня музыкального образования, на должности руководителя кружка ВИА «Акустический лес» в КЦ «Досуг» приняли меня, и я с упоением начал заполнять графики работы и писать планы на год. Конечно, это была фикция, но никто не отменял отчётных концертов и шефской работы по выступлениям на мероприятиях различного характера, от официальных городских праздников, до выездных концертов по области. Для этих целей отделом культуры нам выделялся маленький «пазик», и мы всей нашей дружной компанией пускались в очередное приключение по городам и весям Владимирской области.

Это, что говорится, официально. А неофициально жизнь и творчество кипели в лучших традициях рок-андеграунда. Квартирники, подпольные концерты и уже начинающие поднимать голову рок-фестивали областного значения. Кстати, по квартирникам. Как-то нам устроили акустический концерт вместе с Крейзи, где мы, как Майк с Цоем в молодости, пели по очереди песни, а на полу стоял ящик портвейна. Не берусь утверждать, но по легенде именно в этой старой коммуналке в 80-х был концерт Башлачёва. Во всяком случае, мне об этом говорили.

К этому времени я уже был знаком со всей владимирской рок-братией: от звёздной группы «Карантин» до отца-основателя местного панк-движения Шайбы (Андрей Агеенков, группа «Диплодоки»), группами «Немо» и «Постскрипtum». С последними двумя вообще завелась очень близкая дружба, было чему у них поучиться. «Немо» поражало наличием в группе до ныне невиданного саксофона и очень необычными аранжировками, а «Постскрипtum» заряжало лихими рок-н-роллами и классными разложениями на голоса солистов Олега Беспалого и Олега Зеленина.

На 9 мая в честь 50-летия Великой Победы в парке Радужного планировался большой концерт. В итоге дневной праздничный концерт к вечеру должен был перерасти в грандиозный рок-фестиваль. По сути это и было в рамках фестиваля «Салют Победы», поэтому от администрации я услышал всё-таки некие условия – все приглашённые группы должны соответствовать высокому музыкальному уровню. Ну, не знаю насчёт уровня, но компания собралась хорошая. «Немо», «НВП», новые владимирские инструменталисты «WW», радужная группа «Чёрный понедельник», ну и, соответственно, всё это действие закрывает «Акустический лес».

На этот раз мы действительно настроили аппарат довольно сносно, и всё прошло как надо. Не обошлось и без казусов, но они были абсолютно безобидными. Петя Медведев саксофонист «Немо» вообще был очень колоритной фигурой. Саксофонисты сами по себе люди с другой планеты, ну а наш герой вообще был сумасшедшим юмористом, и когда снимал шапку под гром аплодисментов, оттуда вываливалась шевелюра в стиле Анжелы Дэвис. Сам Петя работал в теплице по выращиванию шампиньонов, что, несомненно, добавляло кармы в его образ, на что солист группы Лёха Мокряков весело шутил по этому поводу:

– Да уж, Петя уже старается шапку не снимать, у него там мухоморы!

Словом, Пете перед самым выступлением кто-то налил и сразу много. Он всегда был не дурак выпить, но тут это стало серьёзным ударом для группы – всё-таки вся фишка группы

была в саксе! Всеобщими усилиями наш герой был транспортирован к лесному роднику и за 10 минут путём промывки желудка и ледяных водных процедур был приведён в порядок. Но человеческие слабости всё равно сыграли злую шутку – ему опять кто-то налил. Лёха Мокряков и гитарист Димка Супруненко плюнули на всё это безобразие и приняли как есть. Пока во время выступления «Немо» Лёха ловил прилетавшие на сцену гильзы от проходившего салюта, Петя развлекал зрителей своей мастерской игрой, спустившись непосредственно в народ. Так и разгуливал с саксофоном в толпе, приводя зрителей в неописуемый восторг.

* * * * *

К концу лета по Владимиру поползли слухи о грандиозном двухдневном рок-фестивале, или, как сейчас говорят, Оpen air. Этот груз на себя повесил Крейзи, да вся «крыша» в целом. Как-то договорились с администрацией загородного парка о возможности проведения подобного шаша, собрали по крохам всю аппаратуру, что имели в своих закромах местные рокеры, и пустили клич по всей Руси – приезжайте, кто хочет!

Я уже тогда начинал понимать, какое это неблагодарное дело по устройству подобных мероприятий, и всячески пытался предостеречь Крейзи быть аккуратней на поворотах, но он был неумолим:

– Да круто! Устроим свой Вудсток! Первый день акустическая программа, второй день электричество. Звёзд позовём, пресса будет гудеть! Да и мы оторвёмся!

Количество приглашённых участников было впечатляюще. Я, наверно, сам с трудом не смогу перечислить всех – информация афиши с реально выступающих несколько разнилась. Всё смешалось. Группы из всех городов Владимирской области, Москвы, Нижнего Новгорода и ещё Бог знает откуда. Из звёзд планировался приезд Вадима Степанцова и группы «Бахыт компот», группы «Рада и Терновник», им даже хотели оплатить каким-то образом дорогу. Были у Крейзи и заветные мысли – притащить его любимую «Алису» и даже «Гражданскую Оборону», но видимо, не нашлись нужные контакты, словом, не срослось.

И вот настала середина августа. Крейзи бегал с безумным видом, решал организационные вопросы, мы, как могли, помогали с рекламой, а именно носились по городу и расклеивали афиши. Со всего города стаскивалась звуковая аппаратура, и все музыканты судорожно прогоняли свои программы, готовясь проснуться на следующий день рок-звездой.

За день до фестиваля организаторов пригласили на прямой эфир радио «Европа плюс», ну а поскольку качественная студийная запись была только у меня, то Крейзи взял меня с собой. Помню, я жутко испугался загоревшейся в студии надписи «ON AIR» и сразу потерял дар речи, Крейзи же, ничуть не растерявшись, задвигал тему, как будет круто, да вообще, впервые такое и приходите-приезжайте. После того как в эфире прозвучала одна из моих песен, дошла очередь и мне держать удар. Ведущая, видя моё потерянное состояние, решила добить контрольным в голову, а именно вывести прямой телефонный звонок в эфир:

– Здравствуйте, – услышал я до боли знакомый голос своего друга Сергея Забатурина, – у меня вопрос к солисту группы «Акустический лес».

На заднем плане я слышал весёлый смех наших друзей и честно уже ждал, что ожидать от этого авантюриста, а тот невозмутимым голосом продолжал:

– Так вот, у меня вопрос! Почему у группы такое странное название «Акустический лес»?

Ну и ещё что-то. Я, стараясь скрыть иронию и смех, с серьёзным видом в сотый раз рассказал историю мироздания нашей группы и почти выдохнул, когда Забатурин меня перебил:

– Ладно, спасибо! И вообще, Стасик, давай приезжай быстрее, а то портвейн у нас уже заканчивается!

В студии воцарилась мёртвая тишина... и только опешившая ведущая через пару секунд, со свойственным ей профессионализмом, быстро перевела тему и завершила эфир. А я, матеря про себя Забатурина и своих друзей, поехал в Радугу. «Вот, думаю, гады! Первый раз на пря-

мом эфире, хоть бы поддержали, а они заразы прикалываются. Ну, сейчас приеду, устрою им». Конечно, я ничего им не устраивал, все просто ржали и говорили:

– Да успокойся, старик, весело же. Вы там все такие серьезные были.

– Вас бы туда, – ворчал я, – тут все смелые!

– Да я бы там такое сказал! – веселился Забатурин. – Все на выборы! Голосовать только за меня! Да здравствует русская национальная асфальтирующая партия! Я знаю, как решить проблемы экологии рек во Владимирской области. Заасфальтировать к чертям все реки и пустить по ним тараканы упряжки как самый чистый экологический транспорт. И вообще, я завтра ведущий фестиваля, почему меня на эфир не взяли?

На первый день акустической части фестиваля весь городской неформальный люд стекался к месту будущего действия и по приезду устраивался на поляне прямо у сцены. Приехав на место, мы с удивлением обнаружили на сцене кучу разнокалиберной аппаратуры, звукорежиссёра, пытавшегося собрать этот чудо-конструктор, и взъерошенного замученного Крейзи. Было видно, что этой ночью поспать ему не удалось, а ещё приходилось постоянно отмахиваться от постоянно наседающих артистов – кому, когда выступать и на предмет можно ли поменять время и продолжительность выступления. О, это сладкое чувство, как оно мне знакомо! В этот момент каждый сам за себя.

Вообще, первый день прошёл как-то тихо, народу было не много, акустика всё-таки, и вообще этот день жутко смахивал на Грушинский фестиваль. Странные бородатые длинноволосые личности, душевные песни (только костра не хватало) и безмолвные зрители в уже изрядно хорошем подпитии, мирно дремлющие под соснами и берёзами. Я так вообще думал выйти на сцену один, но мои коллеги по цеху решили грянуть вместе. Ведущий концерта, Забатурин объявил:

– А теперь на сцене большой любитель девушек, портвейна и рок-н-ролла Стас Кондаков!!!

И в компании Лёхи с бубном, Гоши с гитарой и Серёги Никонова с флейтой дружно грянули «Детей рок-н-ролла». На что рядом лежавший под деревом знакомый музыкант Дима Гурбатов из группы «Улица Герцена» возмущался:

– Тоже мне, музыканты, что они играют? Спёрли всё! Это же чистый «Чайф»! Вот мы играем действительно свою музыку. А это всё полный плагиат.

Ну да, не любили нас некоторые местные коллеги. Да не то чтобы не любили, может, была некая ревность, ведь наш технический уровень и вправду был на порядок ниже некоторых, но о нас уже писали в прессе, показывали по ТВ.

На второй день количество зрителей возросло в разы, аппаратуры на сцене прибавилось, и с утра пошёл мелкий дождь. Пришлось организаторам вооружаться пилами и топорами, и с криками про чью-то мать, из ближайших лесных массивов сооружать что-то подобие тента. Конструкция держалась на честном слове, на что меня сразу предупредили:

– Держись как ты от этой хреновины подальше. Пришибёт – я не виноват!

Но если тент ещё как-то стоял, то о скользкой деревянной сцене никто не подумал. Солист группы «Битники» Славка, на первой же песне, к всеобщей радости зрителей, лихо грохнулся на первых аккордах и потом долго хромал всё выступление.

А я с утра мучился вопросом – у кого стрельнуть гитару? Так уж получилось, что после первого дня фестиваля я остался ночевать у родственников во Владимире, а на утро мои друзья совершенно забыли захватить из Радуги мою гитару и примочки. В конце концов, подойдя к мирно лежавшему на траве длинноволосому юноше с разноцветной электрогитарой, спросил:

– Дружище, такое дело. Гитары нет, выручишь? Так уж вышло, не привезли мою. А нам скоро на сцену.

– Да бери! Не жалко.

– А примочка, – совсем обнаглел я, – есть?

– Ну, вот овердрайв, – сказал парень и вытащил из сумки прибор.

– А ты из какой группы? – спрашиваю.

– Группа «Солнце». Мы из Москвы.

– Спасибо тебе, добрый человек из группы «Солнце», – вздохнул я и уже со спокойной душой пошёл готовиться к выступлению.

Между тем зрители прибывали и прибывали, портвейн весело тёк рекой, и вновь Петя Медведев из «Немо», уже весёлый и пьяный, бродил по кустам, пугая всех своим саксофоном. Появился Вадим Степанцов, правда, без «Бахыт Компота». К удивлению всех, Вадик приехал из Москвы с группой «XYZ», и все с интересом ждали выступления звезды. Вовка Курлов, на правах знакомого, познакомил меня с Вадимом, и я вежливо протянул ему свою записную книжку и попросил автограф. Так и осталось у меня его подпись «Удачи и всего такого! В. Степанцов». В разговоре тогда удивила его позиция по всему происходящему:

– Ну, вот он, весь этот русский рок, который я ненавижу всеми фибрами души! Хотя пусть этот фестиваль станет кузницей новых звёзд.

А Забатурин в свою очередь уговаривал Вадика:

– После выступления поехали с нами в Радугу!

– Это что и где, – удивлялся Степанцов.

– Увидишь, круто! Всё будет, портвейн и что хочешь!

– Я, – говорит, – не пью. Завязал. Но могу разливать!

Наконец наступило нашего выступления, и мы вышли на сцену, и... И почему-то резко стало светло. Рухнула конструкция с тентом. Сзади я слышал отборный мат нашего барабанщика, ему то досталось больше всех, накрыло сверху брезентом и придавило хорошим бревном. Зрители веселились во всю, а мы поспешили на помощь Лёхе, разгребая и растаскивая завалы тряпья, брёвен и развалившейся аппаратуры. Приведя сцену в более-менее приличный вид, растерянные и контуженные на всю голову, мы начали своё выступление с нашей новинки на стихи Кузьмы Пруткова «Мой портрет». Уж не помню, почему меня так это зацепило, но накидав немудрённых рок-н-рольных аккордов, получилась лихая песня:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.